

Бай Сяо, скрестив руки перед собой, с трудом сдерживал порыв выругать её, немного успокоился и снова заговорил:

— Раньше он поступал согласно вашим желаниям не из-за так называемого послушания, а потому что любил вас. Он подавлял себя и пытался оправдать ваши ожидания только ради того, чтобы вам жилось лучше... Но ваши желания и требования безграничны, и однажды они ранят всё, что он любит. Тогда он откажется удовлетворять ваши желания, иными словами, больше не захочет быть связанным вашей так называемой любовью.

— Связанным? — с недоверием переспросила Цзин Юйжоу. — Разве хоть одно моё требование не было для его же блага? И ты называешь это связыванием?

— Это лишь ваше представление о благе! Всего лишь ваши собственные фантазии! С чего вы взяли, что этого хочет Чэн Юэ?

— Хм... — Цзин Юйжоу усмехнулась. — Он мой единственный сын, как же я могу не знать, чего он хочет? Я так его люблю...

— Вы любите только себя, — сказал Бай Сяо. — Настоящая любовь не должна причинять боль. Ваша так называемая любовь — всего лишь эгоизм.

— Ты...!

— Я помню, когда мы встречались в аэропорту, вы рассказывали мне историю о том, как познакомились с вашим супругом. Вы были тогда так счастливы. Осталось ли сейчас что-то от того счастья? То, чего хочет Чэн Юэ, на самом деле очень просто — всего лишь немного такого же счастья. Когда то счастье обернулось несчастьем, зачем продолжать нести его дальше на нём?

Цзин Юйжоу вдруг вспомнила, что однажды Чэн Юэ сказал ей: «Почему мы все должны изо всех сил стараться угодить одному подлецу?»

Слушая Бай Сяо, она, казалось, что-то начала понимать, но боялась вдумываться глубже.

— Обсуждать эту тему бесполезно, — Цзин Юйжоу отвела взгляд, насильно завершая разговор.

— Мне скорее интересно, что вы планируете делать? После того как этот ребёнок родится, ты будешь его воспитывать? Так даже лучше. Будем считать, что Чэн Юэ находится за границей на лечении, тайно родит этого ребёнка, никто не узнает. Это самый лучший вариант. Впоследствии для Чэн Юэ этого ребёнка как будто и не существует...

— Невозможно, — спокойно и твёрдо сказал Бай Сяо, глядя ей в глаза. — Мы будем растить его вместе.

Бай Сяо сделал паузу и добавил:

— Я люблю его.

— Ты любишь его? — Цзин Юйжоу будто услышала самую нелепую шутку на свете. — Любовь — самая ненадёжная вещь. Только вы, промытые молодежи, можете так слепо в неё верить.

На этот раз Бай Сяо не стал ей перечить, лишь долго и молча смотрел на неё, а потом сказал:

— Я знаю, что сейчас не смогу вас переубедить... Возможно, и позже не смогу. Но сейчас я

лишь надеюсь, что вы примете во внимание чувства Чэн Юэ. Ведь он сейчас вынашивает вашего внука... или внучку.

Цзин Юйжоу осталась безучастной, лишь слово вынашивает вызвало у неё отвращение:

— Взрослый мужчина... и вдруг беременный... Это просто...

В конце концов, она задержала слово мерзость у себя в горле.

Но Бай Сяо понял её невысказанную мысль. Вены на его руках вздулись, но он незаметно расслабился.

Он взял со стола стакан с водой, отпил и сказал:

— Так или иначе, вам придётся принять этот факт. Пока ребёнок ещё не родился, Чэн Юэ нужен покой и хорошая среда для роста ребёнка. О дальнейшем поговорим позже. Сегодня, если вам больше нечего сказать или спросить, прошу вас поскорее удалиться.

Нрав Цзин Юйжоу мгновенно вспыхнул снова:

— Это дом моего сына! С какой стати ты...!

Не успев договорить, она услышала оглушительный хлопок — бам! Бай Сяо с силой поставил стакан на журнальный столик. Вода из него разбрызгалась, на дне стеклянного стакана образовалась сеть трещин, а не выплеснувшаяся вода медленно потекла со дна, заливая весь стол.

Цзин Юйжоу перепугалась и мгновенно замолчала.

— Я надеюсь, вы будете благоразумны, — сказал Бай Сяо. — Поскольку вы мать Чэн Юэ, я проявил к вам достаточно уважения и также надеюсь, что, находясь в нашем доме, вы будете вести себя подобающим для гостя образом.

— Ты...! — Цзин Юйжоу вскочила на ноги от злости.

Тётя Мэй, услышав шум, выглянула с лестницы на втором этаже и с беспокойством спросила:

— Всё в порядке?

Бай Сяо успокаивающе улыбнулся тётке Мэй:

— Всё в порядке, тётя Мэй, поднимайтесь обратно.

Тётя Мэй окинула взглядом обоих и лишь тогда, не совсем успокоенная, ушла.

— Так быстро уже начал вести себя как хозяин? Наглости не занимать!

Бай Сяо вздохнул, поднял стеклянный стакан, поднёс его к мусорному ведру, слегка сжал пальцами, и нижняя часть стакана рассыпалась на осколки, упав в ведро. Оставшуюся целой верхнюю часть он также разломил пополам и выбросил.

— Если вы будете вести себя благоразумно, возможно, в будущем, когда вы придёте навестить Чэн Юэ, мы с тётей Мэй ещё откроем вам дверь. Если нет, то, к сожалению, нам придётся вызвать охрану.

Цзин Юйжоу дрожала от ярости:

— Да кто ты такой! Я просто пришла проведать сына!

— Если бы вы действительно пришли проведать сына, а не вымещать своё раздражение, я бы вас впустил.

Бай Сяо поднялся и жестом указал на дверь.

— Прошу.

Цзин Юйжоу с негодованием посмотрела на него и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Она посмотрела в сторону лестницы и увидела Чэн Юэ, молча стоящего на повороте лестницы.

— Чэн Юэ! Он же чужой! С какой стати он...

— Уходи, — сказал Чэн Юэ.

— Чэн Юэ! — с недоверием воскликнула Цзин Юйжоу.

Чэн Юэ опустил голову, на мгновение закрыл глаза, его выражение лица было неразличимо в тени лестницы.

Он хотел что-то сказать, но в конце концов не произнёс ни слова, развернулся и снова исчез за поворотом на втором этаже.

— Прошу, — снова сказал Бай Сяо.

Цзин Юйжоу наконец сдалась, в ярости схватила стоящую рядом сумку и ушла. Выходя, она собиралась со всей силы хлопнуть дверью, но та, прежде чем захлопнуться, была остановлена Бай Сяо.

Она тяжело дышала, яростно посмотрела на Бай Сяо и наконец ушла.

Проводив мать Чэн Юэ за дверь, Бай Сяо поднялся наверх. Тётя Мэй ждала у лестницы и, увидев его, указала в сторону кабинета.

Бай Сяо подошёл к двери кабинета и увидел, что та лишь прикрыта, но не заперта. Тем не менее он постучал.

Изнутри, казалось, кто-то вздохнул, и лишь затем тихий голос произнёс:

— Входи.

Бай Сяо вошёл и увидел Чэн Юэ, сидящего за письменным столом, опершись лбом на ладони, с видом крайней усталости.

Бай Сяо смотрел на него и хмурился. Он закрыл за собой дверь кабинета, прислонился к ней и тихо спросил:

— Как ты?

Чэн Юэ опустил руки, посмотрел на Бай Сяо, его глаза были слегка красными. Он покачал головой:

— Всё нормально.

Бай Сяо кивнул. Они молча смотрели друг на друга. Спустя некоторое время Чэн Юэ вдруг произнёс:

— Прости.

У Бай Сяо резко сжалось сердце. Он подошёл к столу, с мягким взглядом глядя на него, всё ещё немного беспокоясь:

— О чём ты... Тебе где-нибудь плохо?

Чэн Юэ снова покачал головой.

Бай Сяо обошёл стол и сзади нежно обнял его со стула.

— Не волнуйся, я здесь.

Услышав эти слова, Чэн Юэ не ответил, но поймал одну из его рук, обнимавших его спереди.

Их руки крепко сцепились.

Они так молча постояли в объятиях некоторое время, и вдруг Чэн Юэ сказал:

— Если бы ты не был со мной, тебе не пришлось бы проходить через всё это...

— И тогда тебе пришлось бы нести всё это в одиночку?

Чэн Юэ замер.

— Полюбив тебя, я уже не могу повернуть назад. Я не считаю это обузой, мне просто больно за тебя, и я чувствую облегчение — хорошо, что в это время я рядом с тобой.

У Чэн Юэ защемило в носу.

Вообще-то, за все эти годы он с матерью часто ссорился, она тоже часто говорила обидные вещи, и он уже привык. Но на этот раз всё было иначе. Когда мать произнесла те слова перед Бай Сяо, он впервые почувствовал себя так униженно.

По сравнению с болью, которую мать причиняла ему, он обнаружил, что больше беспокоится о реакции Бай Сяо.

И ещё... что тот думает о нём?

Спустя некоторое время он вдруг горько усмехнулся:

— Я, наверное, слишком слаб?

<http://bllate.org/book/15597/1390928>